

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Андрей Архангельский

Прогулки по Москве

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

АНДРЕЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

Серия интервью со знаменитыми людьми

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Андрей Архангельский, редактор отдела культуры журнала «Огонек».

Родился в Севастополе 21 июня 1974 года. Образование: высшее журналистское и музыкальное. В «Огоньке» с 2001 года. Лауреат премии «Огонька» за 2003 год. Считает, что: журналистика — достойная профессия, главная ценность демократии — свобода слова, главное событие в жизни — перестройка, М. С. Горбачев — великий человек. Ненавидит тоталитаризм в любых его проявлениях — как и разговоры о том, что «все журналисты продажны». Не все.

Архангельский не любит: собак, обывателей, глупых женщин, тех, кто переквалифицировался из официанток в журналисты, тех, кто не задумывается о смысле жизни. Интересы помимо журналистики: умные женщины, европейская литература 20—40-х гг. XX века, современная русская литература, философия, классическая музыка, буги-вуги, большой теннис, смысл жизни.

В 2003 году Андрей Архангельский начал в «Огоньке» серию бесед «Прогулки по Москве», принцип которых — как можно дальше отойти от формата газетных и журнальных интервью. «Это была именно попытка заставить героев трепаться, бредить, издавать непривычные звуки, чертыхаться, — говорит Андрей. — Поскольку люди все очень известные, необходимо было их сбить с привычного ритма в режиме «короткий вопрос — длинный ответ». Я давно заметил, что при ходьбе разговор между людьми всегда носит более спонтанный и бодрый характер, чем при сидении. К тому же автор всегда очень боялся неловких пауз в беседах — а в движении в момент паузы героя всегда можно столкнуть в лужу, наступить ему случайно на ногу, указать на развязавшийся шнурок — в общем, обычный набор интеллигентских шуточек в духе поручика Ржевского, который также больше всего на свете боялся неловкости».

ПИСАТЕЛЬ ВЛАДИМИР СОРОКИН

Гулять с Сорокиным по городу небезопасно. Решили отправиться с писателем в тихое место — в лесопарк «Воробьевы горы».

— ...Знаете, почему вас невзлюбили «Идущие вместе»? Обыватель ведь привык гордиться брендом «русский писатель» — наравне с ракетами и балетом...

— ...И еще черной икрой. И водкой. Безусловно.

— ...и распоряжаться, как своей собственностью. А вы не оправдали надежд народа: пишете про разное плохое...

— Я пишу не про хорошее или плохое. Я вообще пишу. Я описываю самые разные состояния человека. И сводить человеческую психологию к хорошему или плохому — это бесперспективно. Что же касается бренда «русский писатель», то я только повышаю его стоимость. Мой «Лед» выходит на семи языках, книги переведены на тринадцать языков. Я конвертируемый писатель. И я за то как раз, чтобы современная русская литература не была напитком местного разлива. Чтобы не была «Арбатским» или «Свадебным» — были такие плохие советские вина, — а чем-нибудь более международным. Как водка. В этом моя гражданская позиция, если хотите.

— Русский писатель всегда ассоциировался с чем-то теплым, добрым...

— Хм. А Достоевский что, добрый? Набоков добрый? Да тот же Чехов — мягкий циник, и в этом был его гуманизм. Доброта должна быть в жизни — когда дело касается отношений к детям или к другим людям... Но в литературе ни добра, ни зла быть не может. Есть лишь точная литература и приближительная. Искусство как солнце: оно вообще не может быть добрым или злым. Солнце для человека, бредущего по Сахаре, — абсолютное зло. А для замерзающего на Севере — абсолютное добро. Так же и литература. Для меня Кафка — великий гуманист, несмотря на все ужасы его литературы. А какой-нибудь сусальный русский писатель, который набивает свои романы церквями и духовностью, для меня фальшив, а поэтому выходит, что зло...

Все эти разговоры про загадочного русского писателя — это наследие XIX века, когда в России нельзя было свободно заниматься политикой,

одновременно был церковный кризис — православие не шло в ногу с веком. Все это вызвало потребность в новой идеологической опоре — на эту роль был назначен писатель... Надо изгонять беса великой русской литературы, которая претендовала на все и вся...

— Уже изгнали. Сейчас книги в основном про то, как расчесывать kota или выбрать пиво...

— Понимаете, последние лет пятьдесят наши люди читали то, что им навязывали — советскую литературу. При этом я помню, каким дефицитом была хорошая западная литература... Литература в XIX — XX вв. в России занимала слишком большое место. Ее выдавали за нечто большее, чем она была на самом деле. Когда в 60-е годы Евтушенко и Вознесенский читали стихи на стадионах, гордо приписывая этот феномен «особому читателю», — они же на самом деле украли эти стадионы у рок-музыки, которая была запрещена. Зато сейчас литература стала соразмерна самой себе, как во всем мире. И хорошо, что рухнул этот уродливый миф о русском писателе-пророке. Просто отвалилась мертвая идеологическая корка, и все писатели стали голыми перед жизнью. И это уже только их личное дело — менять профессию либо продолжать писать... Я же всегда писал с одной целью — доставить удовольствие себе...

— Соседи ваши знают, с кем имеют дело?

— Знают... Но у нас народ спокойный. Единственное что — над нами живет чувствительный молодой человек. Когда я чего-то громко врубаю, он периодически спускается и просит сделать потише. Видимо, не любит рок-музыку... Я вырос на классическом роке. Моя любимая группа в студенчестве была Led Zeppelin...

— Вы врубаете, а юноша просит сделать потише. Вы поменялись ролями, заметили? По идее, это вы должны просить его сделать потише...

— Да, в этом я, конечно, не соответствую образу русского писателя... Бардов и русский рок я тоже не люблю... Русский рок — это как русский футбол. Требуется сочувствия...

— Когда вы в книгах используете язык соцреализма, я просто катаюсь от смеха. Не знаю, почему.

— Ну да... Это еще ведь и смех умиления — по утраченному, по ушедшему навсегда. Потому что это язык великой иллюзии, безусловно, которой мы все были больны. На разных уровнях.

— И вы тоже?

— Ну, мы все же выросли в одной утробе. Вот даже, допустим, диссидентство, антисоветизм — это ведь тоже производные от той великой иллюзии. Не было бы социализма — не было бы и андерграунда. Поэтому диссиденты до сих пор не могут оправиться от депрессии — привыкли, скучают... Топтуны гэбэшные, которые нас пасли в 80-е годы, они же к нам трепетно относились — как к... клиенту. Они занялись нами, потому что

все их постоянные «клиенты» уже либо сидели давно, либо уехали из страны. Мы им работу давали...

— **О чем подумали, когда вас вызывали в Бутырку, когда дело завели?**

— Несмотря на весь абсурд ситуации, я понимал, что в нашем фантастическом государстве может случиться все что угодно. Меня, правда, сразу успокоил адвокат Генри Резник — вероятность, что мы выиграем дело, была велика... Когда я пришел туда, был солнечный день. В кабинете следователя было распахнуто окно. И я увидел Бутырку. С колючей проволокой. И красную стену. Высокую. И вышку.

— **А патриотическая молодежь еще достает вас?**

— Они приходили ко мне, когда на меня завели дело... Сказали, что они из фирмы по установке решеток. Что пришли устанавливать тюремную решетку на наших окнах. Такая шуточка. Я закрыл дверь.

...Пытаемся войти в ботанический сад университета, но нас останавливает охранник: «Только с экскурсией».

— **У нас по-прежнему никуда нельзя. Или можно, но с экскурсией...**

— Еще Чехов писал, что Россия — казенная страна. Это даже не от Союза, а еще от боярско-царской России идет. И в метафизическом смысле здесь никогда ничего не менялось.

— **Тогда есть ли смысл вообще что-то менять?..**

— Вопрос не ко мне. Лично я одного хочу от России — чтобы здесь был снег. Потому что это и есть наше настоящее богатство. Это некий дар божий, послание с небес. Получается, что по-настоящему падает он только на Россию. Лет двести назад он был и в Европе — помните, на картине Брейгеля «Охотники на снегу»? Но сейчас снега там уже почти нет... Я бы хотел, чтобы на век мой и моих детей хватило снега...

— **А как же вы в Японии без снега жили? Там, кстати, тоже Союз писателей, как у нас...**

— Там не только Союз писателей. Там вообще очень развит коллективизм во всех областях. Там с детства из каждого воспитывают члена коллектива. С детства ребенок приучается к тому, что он должен не противопоставлять себя коллективу, а всеми силами подстраиваться... Это, в общем, то, чего добивались в советской школе, но у нас материал больно непослушный... У нас на это клали... здравомыслящие люди... И убежали курить, да?.. А там это многовековая традиция...

— **...А какая жена нужна писателю?**

— Я думаю, та, которая бы его выносила. Спросите у моей жены Иры.

— **А бывало, что вас приходилось выносить?.. В прямом смысле.**

— Хм. Я могу выпить, конечно. Заповев, к счастью, у меня не было, потому что я не могу пить больше суток.

— **Так... А наркотики? Проститутки?**

— Я никогда в жизни не пользовался услугами проституток. В этом такие безнадега и тоска, что всякое желание пропадает. Наркотики я по молодости попробовал, но как-то понял, что литература сильнее. Но самый сильный наркотик — это реальность.

— **Вы сейчас что-то пишете?**

— Сейчас я в основном занят переводами своих книг — приходится объяснять переводчику на голландский, что такое, например... «маза кушошная»... Это из воровского сленга... У меня был период — с 1991 по 1997 год, когда я ничего не писал, только пьесы... Я закончил «Сердца четырех» и понял, что опустошен совершенно. Мир советский кончился, начался постсоветский. И стиль жизни... или, я бы даже сказал, шум времени... очень резко менялся. А писатель — это такое большое ухо, которое настроено на шум времени. И мне нужно было время, чтобы... настроиться на новые звуки. Однажды в Берлине я смотрел в окно и увидел, как белка прыгнула с одной ветки на другую. Как ртуть прокатилась. У меня что-то щелкнуло, и я стал писать «Голубое сало». Просто, как прорвало плотину какую-то — знаете... бурная эякуляция.

— **Писатель должен постоянно работать или только когда «прорвет плотину»?..**

— Если я пишу крупную форму, я должен работать над ней каждый день. Надо ее чувствовать постоянно в себе, иначе она ускользнет в целом. Проза — это лошадиная работа на самом деле. У всех хороших прозаиков, обратите внимание, такая тяжелая походка битюгов. Они сутулые, как правило, и не очень подвижные... Постоянно пашут.

— **Так надо?**

— Нет! Понимаете, во всем должен быть перерыв — в любви, работе, сне... Самое ужасное в литературе, по-моему, — это необходимость писать роман за романом непрерывно. В этом смысле я сочувствую нашим женщинам-детективщицам. Они мне напоминают железнодорожниц с ломами, которые долбят по рельсам в любую погоду... Вот это для меня просто ужас. Слава Богу, что пока нет в этом необходимости.

2003 год

ДРАМАТУРГ ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ

...Идущие мимо женщина с девочкой вдруг бросаются к Гришковцу. «Ну все, началось, — думаю. — Сейчас пойдут автографы, цветы...»

— Скажите, как же пройти к Большому театру?!

«Прямо и направо!!!» — радостно хором орем мы. Прийти к искусству гораздо проще, чем многие думают.

Лубянка. Универмаг «Детский мир». Отдел масштабных моделей

— **Женя, этот отдел — сакральное место для каждого советского ребенка.**

— Я собирал точные копии автомобилей масштабом 1:43. У меня было штук пятьдесят. Советские и иностранные. Причем копии зарубежных машинок тоже делали у нас, в Донецке и Тбилиси. У меня было несколько «мазератти», «мерседес» какой-то... Но все они были плохого качества. Пластмассовые, без двигателей, были только открывающиеся двери, и все очень грубо сделано. Однотипные колеса ставили на все модели.

— **А советские машинки?**

— Ну, наши модели были очень неплохо сделаны, некоторые экземпляры — вообще шедевры. Например, модель «руссо-балта», «чайки» правительственной... Клево исполнено. И даже первая модель «КамаЗа». Резина, подвески. Чудо.

— **Модель «УАЗ» еще была классная.**

— «УАЗ» я уже не застал, потому что с коллекционированием завязал. Уже большой мальчик стал.

— **А железные дороги гдээрзовские?..**

— Вот это неосуществленная мечта. Недавно я был в специализированном магазине в Германии, в Штутгарте, где продаются только эти железные дороги. Здесь по сравнению с тем магазином ерунда. У нас вообще ничего похожего нет. Меня завел туда мой немецкий переводчик. А там продаются копии всех, какие только были и есть, вагонов, паровозов всех стран, всех эпох... Можно купить вместе с дорогой и ландшафт, и деревья, людей, машины в том же масштабе. Можно воссоздать все болота, леса — вплоть до цветов на полянах... Можно вообще купить всю Германию масштабом 1:32!!! Только для этого нужно огромное помещение. Это все по-

трясающе и нереально. Там можно сойти с ума. Только это стоит очень дорого. Один паровозик — от 100 до 300 евро. Все-таки в коллекционирование я надеюсь больше не впасть. Сейчас мне гораздо приятнее обладать фактом. Фактом знания об определенном предмете. О кораблях, о географических подробностях... Обладание фактом приятнее, чем обладание вещью. Это тоже сильнейший наркотик.

— **Смотрите, Женя, какие клевые солдатики!**

— Да-а... Морская пехота, надо понимать. Немецкие солдаты — при том, что они захватчики — всегда ценились гораздо больше, чем наши. У них была форма поразнообразнее, много интересных прибабасов, штабные карты в руках, разное оружие, шинели... А наших солдатиков плохо делали.

— **Еще в Совке выходил такой журнал — «Моделист-конструктор». Там были чертежи всех деталей, их нужно было перевести на картон и потом склеить машину, самолет... Адская работа.**

— Кстати, у меня был друг, который с этим справился. Он сделал «Аскольд» — четырехтрубный, странный такой крейсер. И я, помню, еще тогда поразился, что такое можно сделать. Он делал его месяца четыре. Потом мы его запустили в большую лужу, и он плавал. У него была остойчивость, он не кренился — друг все очень точно выполнил. А потом он не знал, что с ним дальше делать, и вечером в этой же луже его сжег. Тот очень красиво пылал на воде, как настоящий... Отсюда у меня, видимо, тяга сжигать кораблики во время спектаклей.

Улица Рождественка

— А-а-пчхи!

— **Будьте здоровы. У вас что, насморк?**

— Мне нужно купить одноразовые носовые платки и таблетки. У меня аллергия каждую весну. Всегда, уже десять лет подряд.

— **То есть никаких средств нет?**

— Нет. Причем когда аллергики собираются вместе, они советуют друг другу всякие средства экзотические, таблетки... Так, наверное, все хроники общаются. Ревматики всякие.

— **Ну, ревматизм — это серьезно.**

— Аллергия — это тоже серьезно. Спокойно понимаешь, что это навсегда. Вот кошку мне уже не держать, как и собаку. Такая странная болезнь. Она может появиться ни с того ни сего. У меня вот десять лет назад началось. Ее вначале лечишь, как насморк обычный. Горчичники, все дела. Пожилые люди в деревнях, например, вообще не знают, что такое аллергия. Жили нормально и вдруг... Они не могут поверить, что есть такая болезнь. Так они банями, травами разными лечатся — от которых, может, еще только хуже становится.

— **Болезнь человеку дается не просто так, а со смыслом. Тем более редкая или странная болезнь. Вот что у вас такого судьбоносного случилось десять лет назад?**

— Она не редкая. Это сплошь и рядом. Это была весна. Мы поехали в деревню, там у нас был домик. В Сибири. И мне стало плохо, я задыхался. Причем всерьез, когда страшно даже. Сначала непонятно, специалистов по этому вопросу было немного. А время у меня было такое... был момент абсолютного счастья. Были первые успешные спектакли, планы интересные...

— **Так это же испытание судьбы: выдержит счастье или нет?**

— Нет, ну это ж не сифилис, как у доктора Фауста. Но неприятно все равно. Весна, все кругом цветет, а тебе хочется только одного: чтобы у тебя не было ни носа, ни рта, ни глаз, потому что все чешется, сопли, слезы...

— **К вам незнакомые люди на улице, наверное, часто подходят — типа поговорить про жизнь. Не напрягает?**

— Во-первых, нечасто узнают, во-вторых, узнают те, кто ходит на спектакли, а они люди деликатные и хорошие. Я не люблю говорить о людях вообще. Я могу только выделить какие-то типичные, общие моменты. Бывают, например, такие люди, которые приходят после спектакля и начинают рассказывать: «А ты вот это еще забыл... Щас я тебе историю расскажу, ты ее запомни... Обязательно вставь в спектакль». Просто ужас. Давайте поедем куда-нибудь выпить пива. Хотя я его не люблю.

— **Поедем. Хотя я тоже его не люблю.**

— Это откуда фраза?

— **Ниоткуда, просто «выпить пива» — это такой ход. Формализм в искусстве.**

— Да, просто хорошая причина двадцать минут никуда не ходить. Я хожу всегда очень много. Я специально ходил по Парижу, например, по одной и той же улице — долго, чтобы проживать обычные, несуетные дни, как проживают их парижане, когда они ходят на работу. В Лондоне вообще километров по двенадцать ходил пешком. По Цветному бульвару тоже...

— **А зачем?**

— Ну как... За три года, пока я хожу здесь, в Москве, например, уже успели закрыться одни кафе, на их месте — появиться новые и тоже умереть... Снесли какие-то дома, какие-то построили. С нуля. И в них уже загорелся свет, и на окнах появились занавески. То есть можно говорить, что у меня уже тоже есть какие-то места в Москве, где...

— **...Где успели смениться занавески! А это важно, да?**

— Ну да. Вот я как бы уже свидетель жизни. Город живет вместе со мной. Раньше это было только в одном городе, в Кемерове. Потом в Калининграде. Теперь вот во многих городах. Я не могу сказать, что меня это сильно радует — ой, типа, новая жизнь... Иногда это просто отвратительно. Но вообще... Вот видите, открылся магазин на углу, при мне уже повесили эту вывеску. Сейчас здесь откроется новое место. Что это будет?

Кафе, ресторан, магазин? Посмотрим, сколько он проживет. А вот если бы какой-то человек увидел этот ресторан впервые, для него это было бы уже как данность — как деревья, кусты, церковь... Как будто всегда он был.

— **А не страшно оттого, что у вас фактически нет родного города?**

— Почему? Есть. Кемерово. Там дочь моя родилась. Конечно, иногда думаешь почему, допустим, ты родился в какой-нибудь дыре и должен потом полжизни тратить на то, чтобы, допустим, переехать в Москву? С другой стороны, я не люблю, когда какой-нибудь таксист говорит: «Да че ты мне объясняешь, я коренной москвич!..» — хотя видно, что города он не знает совершенно. Это все равно что кричать: «Да я сибиря-як!..»

— **А вы ведь сибиряк.**

— Да. Но я не кричу об этом. К тому же я люблю тепло одеваться и мне в Москве всегда холодно зимой. У меня здесь много друзей хороших, но я не люблю ходить в гости. Там нужно снимать обувь, проходить к столу, смотреть альбом семейных фотографий... Я не люблю снимать обувь. Поэтому лучше ходить с друзьями в ресторан, где все уже готово.

Возле Театра эстрады, где долгое время шел мюзикл «Чикаго»

— ...«Чикаго», едрена мать...

— **Что так?**

— Нравится вам, да?

— Да. **А для Киркорова это вообще, по-моему, единственный способ остаться человеком.**

— У него нет шансов остаться человеком, он уже не человек. То, что он пытается вырваться из статуса идола, «остаться человеком», как вы говорите, — в этом и есть вся фишка. Значит, он уже НЕ... Надо срочно выпить пива. А это что, Лолита, что ли? Она тоже играет?

— **Вы были хоть на одном из мюзиклов?**

— Нет, мне просто неинтересно. Не хочу раздражаться, гневаться и терять время. Я знаю, что мне не понравится. Я был на мюзиклах настоящих, западных. Это не мое. Для меня загадка сам жанр. От меня это даже дальше, чем индийское кино.

Москва-река. Садимся на прогулочный корабль

— ...Несмотря на то что речь в моих спектаклях часто идет про советское время, я этого слова не употребляю вообще. Вы его не найдете в моих спектаклях. Это просто такое общее время, в котором прошло наше — ваше, мое — детство, без всяких политических подробностей. К этому у меня нет интереса. Мой герой — он вообще размыт. Кто он? Только очень общие характеристики: у него скорее высшее и скорее гуманитарное образование, он относительно молод, но уже не юн... Но этого ведь достаточно, чтобы его любить, да? У меня есть приятель, хирург, который опе-

рировал младенцев, практически грудничков. Причем операции на сердце. Для меня он как бог. Но я не хочу знать, как человек на это решается, что он при этом чувствует... Как не хочу, допустим, знать, что чувствует пилот, за спиной у которого двести, триста человек.

— Простите, **Женя**, но вам ведь как художнику как раз, по идее, и **НУЖНО** знать, что думают, чувствуют пилот, хирург и пр.

— Слушайте, это все писательские иллюзии. Для того чтобы ПОНЯТЬ, почему пилот посадит самолет, а не сойдет с ума — как я, допустим, от одной мысли об этом, — для этого нужно прожить полностью именно жизнь пилота, причем с детства. Чтобы понять, как он шел к этому, что у него случилось и почему именно ОН. Даже если я воспроизведу какие-то экзотические ощущения пилота или хирурга, их не так уж и много. В спектаклях я как раз отталкиваюсь от ОБЩИХ ощущений, эмоций, присущих и понятных каждому.

— **Хорошо**, но ведь эти эмоции нужно откуда-то выкапывать?

— Их нужно выкапывать из себя. Нужно просто настроиться на понимание того, что есть норма. Вот люди, которые собрались на этом корабле, они пришли за одним — чтобы проплыть по Москве, заплатив сто шестьдесят рублей. Потому что весна. Солнце. И все пришли за одним, хотя все разные. Может быть, здесь даже капитан дальнего плавания сидит... Но он испытывает те же чувства сейчас, что и другие пассажиры. Понимаешь? Вот об этом общем и нужно рассказывать.

2003 год

ОКСАНА РОБСКИ

Разговор этот состоялся еще до выхода книг и гламуризации О.Робски — если этот термин, конечно, применим к человеку, с которого гламур в России и начался. Тем не менее два года назад, когда это все начиналось, автор еще испытывал иллюзии, что среднеклассовый фастфуд Робски принципиально лучше рабоче-крестьянского литературного фастфуда Донцовой и прочих. Автор, как водится, заблуждался, но осознал и раскаялся.

Рублевка, ресторан «Веранда у дачи». Играет джаз, все подчеркнуто просто. Минимальная стоимость ужина на одного человека — \$60.

— Я бы здесь не рискнул поест. Вдруг не хватит карманных денег. Будет неловко перед олигархами.

— Вот так же примерно размышляло большинство наших людей в 1990 году. В результате здесь сегодня едят те, кто 15 лет назад не побоялся рискнуть. Во всех смыслах.

— Ага. Рисковых парней тогда можно было отличить по цепи на толстой шее. А какая сегодня отличительная черта богатого человека?

— Доброжелательность.

— Ой. Сейчас буду плакать.

— Не плачь. Чем доброжелательнее человек, тем богаче, — это факт. Богатые улыбаются, нет раздраженности, злобы нет тупой. Это совсем недавно появилось. Раньше была зависть, все богатые завидовали друг другу. Сегодня они уже все знают друга про друга — кто кого похоронил, разлюбил, предал: в общем, притерлись. А в обществе зависть сохраняется. Если кто-то хотел бы развеять классовую ненависть к богатым, то лучшего способа, чем недавний телефильм «Рублевские жены» на НТВ, не придумать. Очень профессионально, рейтинг высокий, но надо же думать о последствиях.

— А чем озабочены сегодня богатые?

— Бывшие совки, увешанные золотом и бриллиантами, поехали по заграницам и узнали, что, оказывается, их манеры крайне смешны и нелепы. И сегодня они хотят жить не просто богато — им хочется красоты, идеала. И они зовут дизайнера, стилиста. Но дизайнер не поможет, если

ты сам не знаешь, что для тебя идеал. Можно купить хоть всю последнюю коллекцию одежды, прямо с манекена — но где ты, где твоё внутреннее ощущение? Его нет. Это от неуверенности. Человек себе не доверяет. Почему? Может, мало в себе копался, мало о себе знает, а то, что знает, его не устраивает? А надо просто прислушиваться к себе, не бояться.

— **Вам не кажется, что вещей сегодня развелось столько, что они постепенно начинают загроживать человека?**

— Как меня может загородить вещь? Какая-то искусственно раздутая проблема, словно из фильмов 70-х. Когда был дефицит, люди чаще думали о вещах. Потом сразу много всего появилось, все бросились покупать. Дети, когда только говорить начинают, тоже лопочут без умолку. Так и мы — вначале покупали много, постепенно это пройдет. Это не проблема. Хуже, когда тебе ничего не хочется. Чем больше желаний, тем лучше. Это формула успеха в жизни.

— **Но одежда — даже суперкачественная — физически не может стоить \$3000, \$5000. Это абсурд. Человек платит уже не за качество, а за пафос.**

— А почему она не может стоить столько? А кто определяет вот это «физически»? Просто смешно. Спрос рождает предложение. Если у меня покупают стакан за \$5, я буду его продавать за \$5. Но если найдется кто-то, кто купит у меня его за \$30, поверьте, я без зазрения совести буду продавать его по \$30. И даже за \$3000. Значит, люди готовы платить такие суммы. И заметьте — цены все время растут. Значит, богатых становится все больше. Мы радоваться этому должны.

Едем в машине по Рублевскому шоссе.

Робски за рулем, сзади охранник

— **Оксана, а у нас есть средний класс?**

— В Москве есть, в России — нет.

— **Говорят, что средний класс в России — это родственники олигархов.**

— Ха-ха. Ну, не только родственники, но и все сотрудники, знакомые. Олигархов в Москве очень много, поэтому хватит на целый класс. Посмотрите, на майские праздники — никого в Москве. Все уехали за границу. Вот вам и средний класс.

— **Какой в истории России был самый успешный бизнес-проект?**

— Табак, наверное. Самый коммерчески грамотный проект. Его же завезли, внедрили, моду ввели. Оказалось, что его можно выращивать здесь, получилось и дешево, и доступно. И еще он постоянно кончается. И хочется еще. Гениально.

— **Вы можете с кем-нибудь просто по улице прогуляться?**

— Не-а. Некогда. И вообще это будет бред. Это значит, буду идти я, за мной охранник, и еще где-то гаишник вокруг моей машины будет бегать,

потому что я не там припарковалась. Зато я люблю ездить ночью, часа в четыре, по Садовому — такое у меня развлечение. Наматываю кольца. У меня личный рекорд, никто не верит, — за восемь минут все Садовое кольцо.

— **Я тоже не верю.**

— 180 км в час. Было девять попыток. Сначала 17 минут, потом 10. Теперь восемь. Это — вместо «гулять». Сейчас, я припаркуюсь.

Бусиново, магазин антикварной мебели. Робски переходит дорогу так, как будто впервые увидела машины. Охранник хватается за талию и силой затягивает на тротуар

— **Вы, оказывается, дорогу переходить совсем не умеете.**

— Да нет. Охранник перестраховывается.

— **А зачем вам вообще охранник?**

— К сожалению, бывают иногда ситуации, когда он необходим. (Поднимаемся в лифте.) Вот. Здесь продается и моя коллекция восточной мебели, которую я вывезла из стран Океании. У моей подруги сегодня день рождения — хочу ей выбрать подарок. Хочется что-то большое. Вот голова Будды. Шикарная, но тяжелая. А вот филиппинские безделушки. Это очень модная сейчас тема.

— **На Филиппинах такого добра, наверное, навалом и задаром.**

— Многие так думают. Говорят — Боже мой, почему эта скамейка индийская, которую сделали два человека за \$2, почему она, собственно, стоит \$1000? А вам объяснят, что лавка эта на самом деле сделана из старинной деревяшки, которая еще раньше была дверью. И этому дереву 200 лет. Это уже не просто вещь, а то, что называется «привет из прошлого». Вот перламутровая шкатулка. Это очень модно сейчас. А?

— **Вам виднее.**

— Всякий человек может понять, что красиво, а что нет... Ой, смотри-те, семь слоников. Пошлятина, да? То есть мы это так воспринимаем. А знаете почему? Нас с детства так приучали: пошлость, мещанство. И мы с этим выросли. А сегодня мы смотрим и думаем: да, а ведь что-то есть в этом слонике. Может, потому, что он дурацкий такой, улыбается? То есть мы уже сами оцениваем вещи. А раньше пользовались готовыми ответами. Вот почему воспитание — очень важная вещь. А поколение, которое сейчас вырастает, — это будет суперпоколение. Я просто знаю это. Я говорю о нынешних 17 — 20-летних людях.

— **В чем их сила?**

— Они знают, чего хотят. Мы не знали, что можно хотеть. Они раскованны, но не распуценны. Мы вот стали распуценны, потому что у нас появилась такая возможность. А они именно раскованны. Они не живут в мире своих комплексов, как мы. Они не боятся людей. Не боятся показывать себя.

— **Вы хотите сказать, что вы боялись людей?**

— Не доверяла, конечно. А кому мы все вообще доверяли?

— **Откуда вы знаете 20-летних?**

— У моих друзей есть дети. Мама моя преподает в колледже, где они учатся. Очень хорошие дети, говорит.

— **В смысле, душевные, да?**

— Насчет душевности... сейчас подумаю. А что такое «душевное»?

— **Они иначе воспитаны? Они способны изменить жизнь в России?**

— Мы в России и так ее меняем бесконечно. Вопрос не в способности изменить. Вопрос — насколько качественно? А поскольку у них совершенно здоровый менталитет, они все очень рациональные люди.

— **Это так хорошо, да?**

— Это очень хорошо. Рациональность — не синоним холодности, эгоизма.

— **Докажите.**

— Вот мои книжки. Они — не холодные ведь, они очень искренние. При этом первую книгу я вполне рационально писала, думала — так, об этом я рассказала, о ресторанах рассказала — понимаете? Рациональность для нас сегодня гораздо важнее. Вот это вот «море по колено», некрасовское «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет» — вот это все, кому от этого хорошо? Пора уже выходить из горячей избы.

— **Есть мнение, что 20-летние полутонов, оттенков различать не умеют. Тонких вещей не понимают.**

— Ну о каких тонких... послушайте! Когда нам было по 18 лет, такого количества книг и фильмов нам и присниться не могло, какое есть у них. Нам давали Сэллинджера почитать, и мы бились от счастья, что прикоснулись к литературе. А они знают все. В тыщу раз больше. Отчего же они не тонкие?

*Робски едет на запись очередной телепрограммы,
куда ее пригласили*

— **Вы в театры ходите?**

— Не хожу.

— **А как же культурная жизнь?**

— Культурная жизнь — это ходить в театры, да? Во-о-от здорово. То же самое мне один знакомый футболист доказывал.

— **Вы постоянно переключаете радиостанции на автомагнитоле. Ищите что-то ритмичное, да?**

— Нет, у меня с музыкой вообще серьезные отношения. Меня когда друзья в ресторан приглашают, сразу спрашивают: ну как, тебя музыка устраивает, ничего менять не будем? Я часто прошу поменять музыку. Но выбор музыки от настроения зависит.

— Мне от этой фразы сразу дико становится: в каком бы я ни был настроении, я никогда не буду слушать в машине «я — это ты, ты — это я, и никого не надо нам».

— А мне именно сейчас это нравится. А в другой раз — нет. Я вообще хорошо к попсе отношусь.

— Это же тупо.

— Что именно — «тупо»? Лето прошло, наступили холода. Любовь. Клёво.

— Что такое попса? Штамп. Человек неповторим, а попса опускает его до уровня середины.

— Если музыка отвечает внутреннему состоянию, то мне все равно, на каком это уровне. Я сама на нормальном уровне. А если все время заморачиваться насчет интеллектуального, так и с ума сойти можно. Надо быть к жизни ближе.

— Я понял, почему бизнесмены любят попсу. Боятся оторваться от вкусов народа. Но вы это слушаете, а остальные берут с вас пример — вы же элита. Вы должны нести ответственность за культурный уровень населения.

— Ха-ха-ха. (*Робски лукаво делает погромче песню со словами «узелок развяжется, узелок завяжется».*) Но, кстати, еще не берут пример с нас.

— Но рано или поздно будут.

— Тогда и ответственность появится. Ничего не «должно». Просто бывают совпадения — когда и тебе приятно, и культуре. Но идеального на свете мало. А было бы идеально, о чем бы мы тогда говорили?

2005 год

ДРАМАТУРГ ИВАН ВЫРЫПАЕВ

Вырыпаев — главный драматург поколения 30-летних, новое лицо современного российского театра. Лицо поколения пришло на прогулку с «Огоньком» небритым и взволнованным. Говорили о театре. Много курили, ругались. Решили, что надежда есть.

— Я надел шапку. Не знаю, подойдет ли вам для съемки, но это хорошая шапка. Я ее в Хельсинки купил.

— Смотрите, вот памятник главному российскому драматургу (*стоит возле памятника Чехову в Камергерском переулке*). До сих пор. Потому что 18 одних только «Чаяк» за один сезон в Москве. Это какой-то сумасшедший дом, по-моему.

— Ничего странного. Время сейчас сложное, все расплывается. Люди не знают, на что опереться, что делать. Режиссеры пытаются выразить себя через Чехова, к которому все привыкли.

— От Чехова ждут ответов последние 100 лет. Рубить вишневый сад, не рубить — ну сколько можно? Неужели других тем нет? Чеховские пьесы — как это ни кощунственно — они современны вообще?

— Это вопрос большой. В Лондоне или там во Франции сейчас еще больше Чехова ставят, чем у нас. Потому что сегодня психологический театр подошел к какому-то своему пику, он просто захлебнулся, ему нужен какой-то выход. Всем хочется поставить современный спектакль о маленьком человеке. Но, к сожалению, современные пьесы на эту тему кажутся пошлыми. Как бы это ни было здорово сделано, сцена не выдерживает фраз «Петр, ты не звонил мне на мобильный?» или «Ты не мог бы мне по факсу отправить?..» Но вот парадокс: какая-нибудь столетней давности фраза «Василий Петрович, не много ли вы водки за обедом пьете?» как раз для нашего уха вполне съедобной оказывается. И мы понимаем, что это не про водку, а о том, что счастья нет в жизни.

— То есть против Чехова Иван Вырыпаев ничего не имеет?

— Это было бы очень глупо. Чехов — это гениальная драматургия. Которую можно насытить всякими... штучками. (*Идем мимо МХТ.*)

— Основная часть зрителей сегодня в театрах — это женщины от 35 до 45, которые идут посмотреть на звезд сериалов вживую. Это само по себе не хорошо и не плохо, но от этого атмосфера в театре становится, как... в телевизоре.

— Я редко бываю в больших театрах, но примерно знаю эту публику. Половина — приезжие, половина — интеллигенция, которая ходит на режиссеров. Часть из последних никогда не покупает билетов — политики, деятели шоу-бизнеса. У них вообще почему-то хорошим тоном считается позвонить режиссеру, попросить контрамарку. А другая часть — студенты, которых пустили бесплатно. Те же, кто может платить, кто сидит в интернете, смотрит фильмы и разъезжает по заграницам, в театр не ходят. Потому что уверены, что российский театр — это нечто пыльное и старомодное...

— Откуда взялось это убеждение?

— Это уже лет тридцать так. После «Таганки» и «Современника» в России не появилось нового театра, который был бы модным. Все превратилось в рутину. В результате новое поколение вообще игнорирует театр, поэтому молодого зрителя сейчас нет. И если театр не изменится, он превратится, как во Франции, в отстой культуры, в такое место вроде бани — куда человек иногда ходит, не понимая зачем. Можно ведь и в ванной помыться, да? Сегодня, правда, ситуация чуть-чуть изменилась. Темы новые появились.

— А вот это — тема? *(На скамейке перед МХТ лежит, свернувшись калачиком, человек.)*

— Нет, это просто человек пьяный лежит. Искусство — это что-то другое. Вы сейчас совершаете ту же ошибку, что и большинство людей. У людей сейчас в голове огромная каша. Они думают, что современный театр — это где про бомжей, это мат, это скандал. У нас в стране современный театр ассоциируется с чем-то страшным, где матерятся, и относятся к нему несерьезно, а классический театр — с рутинной и скукой. Я вообще не понимаю, зачем делить театр на авангардный, молодой и классический? Нужно оценивать на уровне талантливый — неталантливый.

— Недавно поставленная «Гроза» с Хаматовой начинается с монолога о том, что да убоится жена своего мужа... И все в зале смеются. Потому что эта тема сегодня неактуальна. И режиссеру приходится три яруса декораций громоздить, чтобы было современно...

— Я опять поспорю. Пьеса «Гроза» вовсе не про то, что жена не должна изменять мужу. Островского не это интересовало. «Гроза» о том, что внешние приличия и внутренние желания человека всегда расходятся. А как рассказать об этом сегодня — это уже задача режиссера. Придать современную форму. Если вы этого не почувствовали — значит, это ваша проблема или режиссера, но это не значит, что пьеса Островского неактуальна.

— В вашем спектакле «Бытие № 2» разговор о Боге перемежается похабными частушками. Сегодня в России ни о чем не принято говорить всерьез. Все надо с хохмой, иначе не поверят.

— Режиссер Галин Стоев — режиссер французский — поставил недавно наш «Кислород». Его показали на прошлой неделе в Москве. Публика его не приняла. И я знаю, почему. Сказалась разница восприятия — французы все играют всерьез. И дело не в том, что им тема не близка — очень даже, проблемы те же... Но вот они видят, что речь о заповедях, — и все, поехали страдать. Фокус же этого спектакля в том, что там о серьезном говорится с фигой в кармане. А они вообще так не привыкли! И когда они вывалили все это — у нас их не понимают, ну зачем серьезно так?..

— Ну да. Типа, пафос. Для снижения пафоса ненормативная лексика хорошо помогает. Соединяет высокое и низкое.

— Я вот сейчас пьесу написал, «Июль». И там был мат. Я подумал... и потом решил убрать его. Потому что это совсем не главное. А режиссер говорит: зачем? Перестало складываться. В этих словах есть невероятная энергия, эти словечки стали частью фольклора. В этой энергии нуждается драматург, режиссер, актеры. Сложно отказаться.

— Наш театр, литература не приучены говорить о низком. Языка для этого нет. Поэтому наш человек даже сказать не может о том, что его беспокоит. Так вырастают комплексы.

— Ну, насчет «нет языка» — я бы поспорил. Были Платонов, Зощенко, Олеша, да, в общем, и Достоевский... Но о физиологии действительно не говорили.

— **Может, пора признать мат неотъемлемой частью речи...**

— Культурного человека мат на сцене не шокирует — я слышал, как художественно ругается Ростропович, например. Но мат шокирует Пупкина...

— **...который на работе, дома, с друзьями матерится, как дышит.**

— А также побивает женщин колотушками, повторяя свое «б..., б...». Но когда они в кино или в театре слышат мат, то впадают в истерику. Это лицемерие и есть. Так, я обещал адрес электронный написать... Вы-рыпа-ев-3000.

— **А почему три тысячи?**

— А! У меня никогда нет времени обновлять адрес на Яндексe... Каждый год ставил после фамилии — 2002, 2003. А потом решил какой-нибудь такой год завести... что уж точно не переживу. Так и получилось. Очень просто. Тройка. Три нуля.

2005 год

ПИСАТЕЛЬ ЗАХАР ПРИЛЕПИН

«Власти, я думаю, на самом деле плевать на мои убеждения. Потому что слишком мало вокруг мобильных и думающих. А я как раз такой». Автор «Патологий» и «Санька», член Нижегородского отделения запрещенной Национал-большевистской организации писатель ЗАХАР ПРИЛЕПИН прогулялся с «Огоньком» по московским местам боевой и политической славы.

— Говорите, свободы нет? В двух шагах от нас — книжный магазин «Москва», там спокойно продается ваша «Санька» — о том, как группа молодых людей пытаются захватить власть в стране. Стоимость — 199 российских рублей.

— Свобода не в том, чтобы говорить, что хочешь. Свобода в том, чтобы тебя слышали. Так что наличие моих книг в магазине еще ни о чем не говорит. Есть в стране какой-то слой маленький, маленькая замаска на большом бутерброде — которая пишет и читает такие книги. Но, по большому счету, влияние ее минимально.

— Однако вашу книгу нашли при обыске у двух молодых людей, которые взорвали бомбу на Черкизовском рынке. Появились статьи в прессе о том, что между двумя этими вещами — книгой и взрывом — прямая связь.

— Я думаю, что там книг, помимо моей, нашли кучу. Я не буду впадать сейчас в гуманистический пафос и кричать, что, мол, убивают не книги, а люди... Да, книга может в известном смысле стать поводом для действия, и даже убить, в переносном смысле. Но тем не менее формат современного общества и колоссальное количество шумовых эффектов минимизируют любое воздействие любой книги на кого угодно. В этом смысле большее влияние на поведение человека оказывает государственное телевидение. А именно — то, КАК они показывают, комментируют и интерпретируют события. От этой интонации у человека возникает колоссальный дисбаланс — между тем, что они видят на экране, и тем, что чувствуют внутри. Этот дисбаланс на агрессивность общества гораздо больше влияет, чем моя книга. Радикализм порождается вот этим общим цинизмом. Книжки фиксируют уже сложившуюся ситуацию в обществе.

(Звонок Прилепину. После паузы): Вот позвонили телевизионщики. Предлагают выступить в качестве эксперта в передаче о радикальных сексуальных сценах в литературе. А критикам мои эротические сцены как раз не нравятся... Но критике нашей хотя бы можно быть благодарным уже за то, что у нее в главных героях не ходит Гришковец или Геласимов...

— Гришковца позвали на встречу интеллигенции с президентом в Питере, на прошлой неделе. А Владислав Сурков сказал недавно писателю и автору «Огонька» Денису Гуцко: «Подобострастия хватает. Нужна искренность»... Есть ощущение, что писателей молодых власть начинает приглашать к сотрудничеству. Им опора понадобилась интеллектуальная, что ли?

— Тут все, наверное, проще. Не думаю что им не хватает опоры — просто власть, всякая — она во все времена заинтересована в какой-то лояльности разных слоев общества и по мере сил эту лояльность формирует. Это нормальный процесс. Другое дело, что кроме Суркова у них там никто ни черта книг не читает, и почти никто не понимает, что такое литература.

— Зато Сурков, говорят, читал даже Кафку. Разве можно было представить лет 10 назад, что замглавы администрации президента будет читать Кафку? Прогресс.

— Я не стал бы переоценивать. История знает массу образованных тиранов. Я не стал бы называть Суркова тираном, но он жесткий и радикальный человек. С точки зрения эстетической я, конечно, доволен, но в политическом смысле иллюзий никаких нет: это же именно он как-то сказал, что нужно «стричь яблоки и лимоны».. Будет вас «стричь» человек, читавший Кафку или не читавший — уже неважно.

— Почему вообще деятели культуры, 40-50-летние, так быстро опять легли под власть? Ведь они-то уж должны понимать, что такое несвобода... Ведь вроде бы они успели узнать, что такое цензура...

— Это поколение писателей попало в странный временной зазор. После 85-го очень много литературы запрещенной вернулось — и на фоне этого произведения 40-летинх потерялись. Они прилагали большие усилия, чтобы хоть как-то выделиться, проявиться, соответствовать запросам времени, но... фактически ни черта у них не получилось, их отодвинули Окуджава, Вознесенский, Евтушенко, которые были на обложке «Огонька». Так что сорокалетние просто не успели на свой поезд. И от них осталось два три имени, все. А что до их борьбы с советской властью... дело в том, что у них не было ни особых даров, ни особых пинков от советской власти. И поэтому они ни истово ненавидеть, ни истово любить ее не могут. Так что в том, что они бросились в объятия новой власти, ничего странного. Пелевин писал, что писатель — это злобное, завистливое эго. Мы все таковы — и это во многом определяет поведение писателя. Это самая большая божественная подножка на нашем пути: из-за своего эго русская интеллигенция всегда склонна обламываться, распластываться, подкладываться.

— Если вам предложат какие-то преференции — тиражи, гонорары — взамен на какие-то обещания — вы готовы поступиться чем-то?

— Я уверен, что никакие обещания не заставят меня изменить свое мнение к происходящему. У меня и так есть все, что надо. Вы заставляете меня произнести пошлую фразу — н вы спросили и я отвечаю. Что называется, меня не купят.

*Лубянка. Общественная приемная администрации президента.
Неподалеку маячит человек в форме ФСО.*

— Основная общая черта у наших радикалов — какая?

— Несогласные. Несмирившиеся. Несколько слов с приставкой «не».

— Если бы существовали нормальные демократические клапаны для выхода пара — доступ на телеканалы, где можно было бы высказывать свое несогласие — это бы повлияло на степень радикализма?

— Думаю, 99 процентов взрывчатого вещества в обществе было бы таким способом заблокировано. Это же очень важно сказать вслух — я не согласен, но меня услышали — это чертовски важная вещь для нас. Для людей.

— У вашей героини «Санья», девушки Яны, которая бросает яйца в политиков, есть прототип?

— Ну, немножко это списано с Леночки... Если вы зайдете на сайт НБП, вы увидите раздел «Наши боевые подруги». Найдите там самую красивую девушку — это она и есть. Тонкая, изящная, великолепная Лена.

— А что за девушки в НБП?

— Очень разные. Есть даже две девушки из семей высокопоставленных отцов в силовых структурах.

— Почему?

— Не знаю. По-видимому, причина в конфликте с родителями. Я вот — из простой семьи, у меня никогда не было такого вот отторжения, раздоров с родителями.

Подходит офицер ФСО: «Здесь снимать запрещено».

— Мне кажется, что любой радикализм — у нас и на Западе — имеет одно общее происхождение: это протест молодых против мира, где все посчитано. Единственный способ отличаться — не играть по правилам этого мира. Радикализм — это форма протеста против системы купли-продажи, против этой лживой искусственности нового мира. Бесят эти фальшивые улыбки.

— Да, бесят. Это те основания, которые движут и европейскими радикалами. Но в России еще добавляется то социальное унижение, которое люди испытали здесь — и при советской власти, и в 90-годы. У наших радикалов злость копилась дольше, чем у европейских.

— А разве не может быть неагрессивного способа разрешения социальных проблем?

— Наверное, может. Но это — способ ничего не менять. Это борьба вождей. Они сидят там и валяют дурака.

— **У вас есть образ будущего? Каков он?**

— У меня есть идеалистическая, наивная вера в коллективный разум народа. Это — единственное, на что мы можем сегодня опереться. Потому что никакие радикалы не могут ничего изменить в стране, где самознание нации построено на принципах самоуничтожения. Этому может противостоять только коллективный дух. Недаром власть сегодня активно использует патриотическую риторику — власть вынуждена ведь жить в соответствии с запросами общества. И этот патриотический дух нации начинает влиять на власть, вести ее.

— **Но ведь этот патриотизм совершенно заказной, фальшивый. Условно говоря, патриотизм — это такой непрерывный концерт Надежды Бабкиной.**

— Этот концерт продолжается до тех пор, пока им управляет только власть. Потом люди начинают в это верить, и процесс становится необратимым. Начинает рождение некой мощной, коллективной энергии, идущей снизу.

— **Вы чувствуете ее?**

— Ощущения этого и веры в это — напополам. Я и чувствую, и верю, и призываю ее... Это гул иногда слышен, иногда — нет, но раз власть начала этот концерт, она вынуждена поддавать и поддавать, изобретать все новые и новые номера и кульбиты. Смотрите, мы еще и вот так можем, и так...

Красная площадь

— Я вот заходил через эти ворота... (*показывает на Боровицкие ворота Кремля*)

— **Когда с Сурковым встречались?**

— Да. Там, кроме меня и Гуцко, молодых писателей почти не было. Но зато была непонятно почему Донцова. Это еще одно доказательство того, что в Кремле совершенно не видят разницы между литературой и мусором.

— **Да, Донцова и ей подобные нанесли страшный урон интеллекту нации. Но вот что поразительно: Гуцко рассказывал, что Донцова была единственная из всех литераторов на этой встрече, кто не просил денег и защиты у государства...**

— Да, попался один обеспеченный и довольный жизнью человек.

— **Это потрясающий парадокс. Человек пишет абсолютную фигню, но он единственный, кто независим материально.**

— И ведет себя достойно. Этого всегда не хватало нашим патриотам. Русский писатель на встречу с властью приходит до сих пор напуганный, внутренне удивленный, что позвали. На фуршет, к столу подходят, стесняясь... берут бутерброды... Двумя пальчиками. Опыт моей работы с богатыми людьми говорит о том, что вот это чувство внутреннего достоинства

приобретается, вырабатывается только жизненным успехом. Я работал пиарщиком, занимался выборной кампанией одного человека, у которого 20 магазинов, и он объяснял нам, помню — что нужно сделать в ходе этой кампании. В финале он сказал: «Всем все понятно? — Понятно... — Тогда идите и выберите меня!» Цезаристская такая фраза, он произнес ее с таким достоинством. Понятно, что человек, не обладающий таким количеством бабла, не может себе этого позволить.

— **Порядочные люди попадались?**

— Адекватные — да.

— **Адекватные — это в том смысле, что знали, кому взятку нести?**

— Адекватные в том смысле, что знают, что происходит со страной. Вся их внутренняя риторика, кстати, вполне патриотическая. Нас заколебало. Со мной все в порядке — а со страной надо что-то делать..

— **У вас агентство политической аналитики в Нижнем Новгороде. Вы испытываете давление местной власти?**

— Нет... Я тайны не открою — я очень много работаю с самой властью, с ее структурами. И по большому счету, им наплевать на меня и мои политические убеждения. Они понимают или не понимают меня, но знают, что в России дефицит людей мобильных, быстро реагирующих. А я вот как раз такой. Я делаю каую-то работу, а давление... Что такое давление? Когда меня забирали в милицию и орали там на меня? Шутали? Или пытались вербовать? Так я этого не боюсь, во-первых. А во-вторых, что в этом такого?

— **Милиция вас часто останавливает на улице?**

— У меня с милицией нет проблем. У меня есть удостоверение участника боевых действий, и они, как правило, сразу меня отпускают. ... Если я на машине нарушаю чего-то, я гаишникам показываю документ и говорю, что еду на роды ребенка...

— **Это же надо убедительно сыграть... Какие глаза должны быть у отца, который ждет ребенка?**

— Какие могут быть глаза у отца, который едет на красный свет со скоростью 100 км в час?

— **Ха-ха. А если премию вам будут вручать литературную в Кремле, пойдете получать?**

— Конечно, пойду. У меня ведь трое детей. А потом вот буду давать интервью, рассказывать, как я их презираю... Слушайте, а это кто? (*Показывает рукой на ряженых перед Мавзолеем.*)

— **Это двойники Ленина и Николая Второго. Они тут с перестройки стоят, с ними фотографируются.**

— А Путин тоже есть?

— **И Путин. Вот он, ходит рядом.**

МУЗЫКАНТ СЕРГЕЙ ШНУРОВ

Интервью его, как правило, испещрены цензурными многоточиями; поскольку из песни слов не выкинешь (а слов этих у лидера группы «Ленинград» по-прежнему много), а писать всюду три точки неудобно, да и лицемерие, мат на письме будет у нас обозначаться как мс (матерное слово). Какое именно — вам предстоит догадаться самим, по смыслу. Чай, не маленькие.

— Ельцинский хаос подарил нам тем не менее трех богатырей: «Мумий Тролля», Земфиру, «Ленинград». А эпоха стабильности — только «Фабрики звезд». Нет ли тут закономерности? Может, всенародных групп вообще уже никогда не будет?

— Думаю, да. Так и во всем мире. И потом: массовые мероприятия в России вообще кончились. Марши несогласных — они тоже никакие.

— Между тем в Петербурге был самый мощный.

— Тут и на концерты «Ленинграда» ходит народу побольше. Такой город. Давай я тебе наш новый альбом поставлю. Васька! (*Кот Шнура. — А. А.*) Опять шнур выдернул... (*Кот с визгом убегает. В колонках раздаётся нечеловеческой силы звук. Время — 12 часов ночи.*)

— А-а-а! А соседи... ничего?

— Нормально. Раньше приходили, а теперь привыкли. Любят меня. (Звучит песня: «В девушке главное — это глаза, если кто против — я лично — за. Ноги должны быть и талия, ну и так далее».)

— Песни у вас светлые, как у Верки Сердючки. И сколько времени это записывалось?

— Дня три.

— Нечеловеческий темп. Почему такое нетребовательное отношение к записи?

— (*С угрозой.*) Ты слышал, там чего-то, мс, сыграно, что ли?

— (*С испугом.*) Нет-нет, все прекрасно... Просто люди сейчас месяцы тратят на сведение, на запись в Лондон летают...

— А просто мы мс музыканты. Никто просто сейчас не пишет такой мс музыки. Василий! Ты куда полез, мс. Отгони! (*Кот запрыгивает на колени.*)

— **Вот в предыдущем альбоме песни часто состоят вообще из одного-двух слов. Может, все движется к такому минимализму — в музыке, в слове?..**

— Но это было и раньше. «Ай лайкет муви-муви». Вся песня.

— **Но русский рок всегда держался на слове.**

— Русский рок мс. Если мне нужно поучиться жизни, я лучше найду себе новую девушку. Русский рок — это нытье. Прежде всего. Они — не нищеанцы, в отличие от меня. Мне нравится Ницше, а им, наверное, Достоевский.

— **Почему все-таки Лужков вас запретил, как ты думаешь?**

— В Москве мы все же выступаем, как ты знаешь. Запретил... Да по глупости это случилось, из-за ерунды. Что-то ему показали, передали — и все. Нас, кстати, запретили одновременно с корридой в Москве.

— **Я вот читал твои колонки в «Роллинг стоун». И не мог понять: либерал ты или поклонник империи. Экономические взгляды у тебя вполне либеральные. А политические — имперские. Как это может сочетаться в одном человеке?**

— Просто Россия в либеральном смысле страна безнадежная. Либерализм здесь не нужен.

— **«Нужен — не нужен» — другой разговор. Но в принципе — он здесь возможен?**

— Конечно, нет! Ты на метро поезди! *(Так и сказал. — А. А.)* Либерализм возможен только в просвещенной стране. А Россия безнадежно... в детстве.

— **А если ее просветить?**

— «А если» не бывает. В политике уж точно. Либерализм — это игрушка двадцати примерно интеллектуалов. Это как декабристское восстание. Которое ни к чему. Царя не убили, только людей положили. И в ссылку уехали. Мс. Это и есть наш либерализм.

— **В процентах так примерно и выходит. За либералов у нас голосует два-три процента от общего числа населения.**

— Вот. И с этим бороться глупо. С этим нужно смириться — и не голосовать.

— **И какая система нужна?**

— Думаю, монархия.

— ***(С сомнением.)* Какая? Царя сто лет как нет.**

— Перестань. Путин большинством как монарх и воспринимается. И последний Сорокин *(«День опричника».* — А. А.) о том же — что в головах ничего не поменялось. Царь. Точка.

— **Сорокина читаешь. А Пелевин как?**

— Пелевин — сатирик, а не писатель. Пелевину, мс, писать бы в «Космополитен» колонку.

— **Пелевин гламурный?**

— Я не понимаю этого слова. Но колоночка у него была бы хорошая. А книжки — нет. Хотя вот «Чапаев и Пустота» я прочел в 95-м году и подумал — это мс. А сейчас... И потом, я не понимаю, почему Пелевин не показывает физиономию нигде.

— **Такая тема. А в Питере есть дедовщина между группами старого рока и нового?**

— Да. Мы очень не любим приезжих. А вот Шевчук — приезжий. Из Уфы.

— **Он сто лет назад приехал.**

— Неважно. У него на кладбище здесь никого нету. А у нас есть. У всего «Ленинграда» родственники на Пискаревском.

— **Сериал про блокаду видел? Гламурный Ленинград борется с голодом под руководством чекистов.**

— Не знаю, как в сериале, но бабушка рассказывала, что все было гораздо проще. По жизни. Что канализация не работала, и говно выбрасывали прямо из окон. И под каждым пролетом были кучки. Они добавлялись кучками трупов. Вот это правда. Это не гламур. И еще есть отличная история про москвичей. Молодежь ваша недавно приехала на выходные в Питер и чего-то раскричалась в троллейбусе... И стоял один дед. И молодежь его начала донимать. Он посмотрел на одного и говорит: «Ты знаешь, я в блокаду таких, как ты, ел». Вот это да. Это не сериал.

— **Это же трагедия для всего города. Тяжело с этим жить.**

— Мой дед на Дороге жизни работал. Возил продукты сюда, людей — отсюда. Помню еще, как бабушка варила мне столярный клей, чтобы я пробовал, как это естся.

— **И сколько тебе лет было?**

— Первый класс, наверное.

— **А зачем она это делала?**

— Ну, я сам попросил. Чтобы понять, как это могло быть.

— **И что ты почувствовал?**

— Не знаю. Понравилось. До сих пор вот... (*Шнур неожиданно хохочет.*)

На полке у Шнура стоит модель мотоцикла БМВ масштабом 1:30.

— **Точные копии автомобилей — самые красивые советские игрушки. А иностранные еще лучше. У тебя был момент в детстве, когда ты почувствовал, что заграничное, как правило, всегда красивее? И ты это хочешь любой ценой?**

— Нет. Не было. Иначе я был бы фарцовщиком.

— **В Ленинграде богатые традиции фарцы, об этом Веллер хорошо написал.**

— Их называли «траедовщики». От слова трейд. Торговля.

— **Ты покупал у них вещи?**

— Покупал. Но чаще отнимал.

— Ну да, у них же, типа, лишнее, а делиться надо по справедливости.
— Ага. И еще потому, что у нас Кронштадт здесь. Все моряки в душе.
— **А ты по рождению из какого района?**
— Семенцы. Здесь стояли семеновские полки. Самый бандитский район, где брали Леньку Пантелеева. Там и вырос. На всех «малинах»... Их уже нет.

— **То есть это как в Гарлеме? Типа, две судьбы у подростка: либо в баскетбол играть, либо наркотой торговать.**

— Да нет, выбор был. Я вот ходил со скрипкой, но при этом хорошо дрался и играл в футбол. Скрипку поставил — и все.

— **Самую опасную драку помнишь?**

— Самая опасная еще впереди, ха-ха. Нет, ну поножовщины не было. Был закон чести. Ногами не бить, если упал. Если с девушкой идешь — вообще не трогают. Можно было забить «стрелу» на попозже. Типа, завтра увидимся. Еще было занятие — на Синявинские болота ходить, копать пистолеты. Нашел — теперь за патронами, на Невский пяточок. Отыскал — зашибись. Пальнул разок, во дворе спрятал.

— **Это ведь, по сути, подростковый бандитизм, а? А какое самое крупное дело было?**

— Брали пельменную.

— **А что там можно было брать?**

— Мля, пельмени! Жрать хотелось! самого мелкого бросали в витрину... Но я не кидал! Потом из холодильника забираешь пельмени, и все. Пельменной уже нет. Там быстро сейчас. А раньше пельмени вообще были — вышак. Мороженицу брали еще.

— **Это хоть понятно. Но пельмени? В 80-е годы?**

— Есть хотелось. Тем более если два дня дома не был.

— **Ты же из интеллигентной семьи. У вас что, есть было нечего?**

— Не в том смысле, что нечего. Просто пельменей не было. А пельмени — это святое.

— **При этом ты как относился к советской власти?**

— Ненавидел. С малолетства. Меня из пионеров даже исключили.

— **Была какая-то причина?**

— Я не знаю, как это объяснить. Когда ты рисуешь татуировки в школьной тетрадке, перстни на пальцах — какая советская власть? Ты же в отрицательстве с малолетства. Полжизни здесь, полжизни там.

— **Розенбаум писал песни в 90-е, что, мол, совсем все распаскудилось, не соблюдают воровской закон, а вот раньше... А были люди, которые тебе в юности объясняли...**

— ...Понятия, что ли? Да нет. Это как-то хваталось. Из воздуха. Это воздух здесь такой. Понятия — это ведь то, что понятно. А законы — это то, что надо учить.

— У нас всегда противопоставляют жизнь по законам и по понятиям.

— Это потому, что законы нелепы. И по-человечески многие буквы закона не воспринять. Если жить по закону, это стукачом нужно быть. В законе нет нравственности. А в понятиях она хоть какая-то есть. Крамольщину говорю, блин...

— Читал, ты ЖЖ не любишь. А у тебя у самого есть ЖЖ?

— Нет, конечно. Потому что я не люблю писать... И потом, это глупо. А у тебя есть ЖЖ?

— Нет. Принципиально.

— Братан! Дай руку пожму.

— Но большинство моих друзей там практически живет, в ЖЖ. И считает эту жизнь лучшей, чем реальная.

— Это потому, что бабы у них нет.

— Не всегда.

— Ну, значит, не та. Если баба есть, то она поглощает все твое время. Какое там, мс, сидеть, клацать, когда?!

— На работе. Но скажи: может быть, это и есть новый способ коммуникации?

— Нет. Слова не могут передать настроения. Я могу сказать мс, а могу сказать — МС! И как эти интонации передать на письме? Никак. Только вот Маяковский умел, но он был гений. А клацают — многие.

— В русском человеке высокое и низкое удивительно сочетается. Вот бомжи ваши. Я сегодня ходил и любовался: какие чудесные. В Москве бомжи все приезжие, а у вас — местные, сразу видно.

— Да. Здесь были очень хорошие. Но поубивали многих. А были прям... Пр-релесть. Как-то Севыч, бэк-вокалист, приятельствовал с одним бомжом. Тот песни гениальные играл на гитаре. Прям по открытым струнам бил и пел: «Ты морячка — я мудака. Ты мс — а я мс». Сумасшедший. Очень красивый.

— Вот у кого честности надо учиться. Честных музыкантов не осталось. Даже БГ, кажется, начал привирать.

— Земфира честная.

— И где она? На ТВ ни Земфиры нет, ни Шура.

— А вот телевизор надо меньше смотреть. В телевизоре людей нет.

— У тебя нет ощущения приближающегося Апокалипсиса — что все это скоро накроется медным тазом?

— Не медным тазом, а огромной черной...

— Дырой.

— Назовем это так.

— «Дом-2» — это и есть самая черная дыра.

— Я не смотрю. Вот если бы Собчак сиськи показала — тогда бы да, я остановился, конечно, на этой программе. Но этого нет. Я все жду.

— Собчак напряженно работает, говорят. Тоже ваша, кстати.

— Знаешь, чем Питер хорош? Мы самых активных в Москву отправляем. Там поработайте.

— **Найдется когда-нибудь смелый человек, который скажет: Шнур, а давай концерт в Москве, в «Олимпийском» сделаем. Это будет революция.**

— Революции нам не нужны. Как гражданин заявляю, мс. Это кровь и смерть. Потому что я вырос в этом городе и знаю.

— **А про революцию-то ты откуда знаешь?!**

— Опять же дедушки-прадедушки. Портрет моего прадедушки висел в Музее революции — третьим после Ленина. Подавитель Кронштадтского восстания был.

— **Как вы глубоко пустили корни здесь. Пятое поколение?**

— Шестое. Все здесь родное. У губернатора нашего вчера был день рождения. Ты не справлял? А мы справили!

— **Но ведь Матвиенко тоже не местная по вашим понятиям.**

— При ней дороги стали приличные на Васильевском острове. В Купчине. Раньше этого не было. Все равно, конечно, половину по дороге разворовали. Но это уж так повелось, исстари. И Матвиенко, и Путин — это наименьшее зло. А все остальные еще хуже.

— **А Горбачев — это была свобода.**

— Нет, вот когда мы в 91-м году во время путча ждали танки из Москвы и я на баррикадах стоял — вот это была свобода. Когда подняли триколор вместо красного флага, я думал — мс, вот теперь новая жизнь начнется. С бомбами самодельными против танков. Здесь же все бомбы умеют делать. Я вот тоже бомбу сделал из магния и марганцовки и пошел. А потом, когда ОМОН перешел на нашу сторону, — это было такое единение народа! И тогда казалось, что все люди — братья.

— **Почему это закончилось?**

— Потому так не может всегда. Это был пик. А ОМОН по-прежнему после концертов нам щитами хлопает — то есть аплодируют, своими нас считают. В Москве такого нет.

— **Ты какие группы сейчас слушаешь?**

— Группу Рахманинов. Второй концерт. И группу Стравинский. Самые русские группы.

— **Интересно все-таки, как Рахманинов и Стравинский переплавляются в музыку группы «Ленинград»?**

— Я не знаю. Просто мы говорим об одном и том же. Что Рахманинов, что я. Знаешь, откуда в Питере столько талантов? Потому что у людей свободного времени больше. Поэтому в Питере денег меньше, а одеваются лучше. А про карьеру мы не думаем. В Москве все пробиваются куда-то, а у нас никто никуда не пробивается. Потому что в Петербурге все успели. Они уже здесь.

— Митьки, уж конечно, тоже повлияли на тебя?

— Я их ненавижу.

— Почему?

— Потому что они бросили пить. Если ты выбрал этот путь, если заявил себя алкашом — будь верен себе до конца, сгни. А митьки теперь завязали — извините, мс, мол, у нас печень слабая. А люди в них поверили. Так нельзя. Ну что, водочки? Граммчиков по пятьдесят?..

— Патриотизм нужно навязывать или это само собой должно возникнуть?

— Патриотизм — он в могилах, понимаешь? Если ты ходишь на могилы дедушек и прадедушек — это и есть патриотизм. Когда на кладбищах нет разрухи, когда в парадных не срут — это и есть патриотизм. Лампочку вкрути. И не серь. Вот и весь патриотизм.

2007 год

Андрей Архангельский

Прогулки по Москве

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *О. Скочко*

Корректор *Ю. Баклакова*

Компьютерная верстка *Е. Яковенко*

Подписано в печать 24.12.07 г.

Формат 70x108^{1/32}. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 60 000 экз. Заказ № 0721570.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал макета в ОАО Ярославский полиграфкомбинат 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 февраля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Детская энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	О. Генри. Собрание сочинений: В 5 томах	995 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Островский А. Собрание сочинений: В 6 томах	1014 р.
Авенариус В. Собрание сочинений: В 5 томах	990 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Алданов М. Собрание сочинений: В 8 томах	1232 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Ремарк Э. М. Собрание сочинений: В 8 томах	1592 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Сабанеев А. Собрание сочинений: В 8 томах	1456 р.
Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: В 7 томах	1386 р.	Сабатини Р. Собрание сочинений: В 10 томах	1820 р.
Горький М. Собрание сочинений: В 6 томах	936 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Сименон Ж. Собрание сочинений: В 10 томах	1990 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Карамзин Н. Полное собрание сочинений: В 18 томах	3060 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Купер Ф. Собрание сочинений: В 9 томах	1845 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Лесков Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1015 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
		Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.